

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе гражданки Журбы Людмилы Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»

город Санкт-Петербург

5 февраля 2009 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Стрекозова, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав в пленарном заседании заключение судьи С.П.Маврина, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданки Л.Н.Журбы,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданка Л.Н.Журба оспаривает конституционность пункта 2 статьи 7 Федерального закона от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», как не допускающего – по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, – предоставление нетрудоспособным лицам, состоявшим на иждивении застрахованного лица,

права на получение ежемесячных страховых выплат в случае смерти данного лица от профессионального заболевания.

Как следует из представленных материалов, Л.Н.Журба – вдова шахтера, признанного инвалидом I группы, утратившим 100 процентов профессиональной трудоспособности, нуждающегося в постоянном постороннем уходе, который получал сначала суммы в возмещение вреда здоровью, а после вступления в силу Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» – предусмотренные данным законом ежемесячные страховые выплаты, была вынуждена в связи с необходимостью осуществления ухода за нетрудоспособным супругом оставить работу и в дальнейшем находилась на его иждивении. После его смерти вследствие профессионального заболевания Л.Н.Журба, достигшая к тому моменту 57 лет, получала ежемесячные страховые выплаты, однако после 1 января 2008 года их выплата была прекращена, а региональные органы Фонда социального страхования Российской Федерации признали ошибочным решение о назначении ей таких выплат, указав, что смерть застрахованного лица, получавшего ежемесячные страховые выплаты в порядке обеспечения по страхованию в связи с профессиональным заболеванием, не является самостоятельным страховым случаем, влекущим право членов его семьи на получение данных выплат.

Партизанский городской суд Приморского края отказал Л.Н.Журбе в удовлетворении ее требования о назначении страховых выплат, сославшись на то, что, по смыслу пункта 2 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего, имеют право на получение ежемесячных страховых выплат только тогда, когда смерть застрахованного является самостоятельным страховым случаем, предусмотренным законом. Судебная коллегия по гражданским делам Приморского краевого суда оставила это решение без изменения, указав, что иждивенцы застрахованного лица, получавшего

ежемесячные страховые выплаты по социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, не имеют права на получение данных страховых выплат в случае его смерти, поскольку указанное право реализуется самим застрахованным лицом и не может перейти к его наследникам или иждивенцам после его смерти.

По мнению заявительницы, пункт 2 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», препятствующий реализации нетрудоспособными иждивенцами застрахованного лица права на социальное обеспечение в случае его смерти от профессионального заболевания, что несовместимо с политикой социального государства, противоречит статьям 2, 7, 17, 18, 19 (часть 2), 37 (часть 3), 39 (часть 1), 45 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, закрепляющим в том числе право на охрану здоровья, гарантии защиты имущественных интересов личности, в частности при осуществлении производственной деятельности, а также не согласуется с принципами социального обеспечения (такими как справедливость, равенство, стабильность юридического статуса субъектов социальных прав).

2. Конституция Российской Федерации в соответствии с целями социального государства, закрепленными в ее статье 7 (часть 1), гарантирует каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 39, часть 1).

Правовая регламентация отношений по социальному обеспечению, как это следует из правовой позиции, выраженной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2007 года № 7-П, – полномочие законодателя; в рамках реализации данного полномочия законодатель устанавливает специальное правовое регулирование, гарантирующее гражданам осуществление их конституционного права на социальное обеспечение, включая обеспечение по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний самого работника, а в случае его смерти – членов его семьи,

лишившихся кормильца (статья 39, части 1 и 2; статья 72, пункт «ж» части 1, Конституции Российской Федерации).

В настоящее время правовое регулирование указанных отношений осуществляется по нормам Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», которыми предусматривается, что обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, являясь видом социального страхования, устанавливается для социальной защиты застрахованных путем предоставления в полном объеме всех необходимых видов обеспечения по страхованию в возмещение вреда, причиненного их жизни и здоровью при исполнении обязанностей по трудовому договору (пункт 1 статьи 1).

Субъектами права на обеспечение по данному виду обязательного социального страхования признаются как сами застрахованные (пункт 1 статьи 7), так и – в случае их смерти – иные указанные в данном Федеральном законе лица, в число которых включаются и нетрудоспособные иждивенцы, состоявшие на иждивении умершего или имевшие ко дню его смерти право на получение от него содержания (абзац второй пункта 2 статьи 7).

Предоставление этим лицам права на получение страховых выплат в случае смерти застрахованного лица обусловлено необходимостью поддержания стабильности их имущественного положения как лиц, получавших существенную материальную поддержку от умершего и объективно, в силу нетрудоспособности, не могущих компенсировать ее потерю за счет собственных ресурсов. Это в полной мере соответствует вытекающим из Конституции Российской Федерации принципам справедливости, равенства, стабильности юридического статуса субъектов социально-страховых отношений, на основе которых должно реализовываться право на социальное обеспечение и осуществляться социальное обеспечение в целом (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2006 года № 407-О).

В качестве общего основания, влекущего возникновение обязательства страховщика осуществлять социальное обеспечение по данному виду страхования, Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» называет страховой случай, определяемый как подтвержденный в установленном порядке факт повреждения здоровья застрахованного лица, произошедший вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания (абзац девятый статьи 3 и пункт 1 статьи 7).

В свою очередь, под несчастным случаем на производстве понимается событие, в результате которого застрахованный получил увечье или другое повреждение здоровья при исполнении им обязанностей по трудовому договору и в иных установленных названным Федеральным законом случаях как на территории страхователя, так и за ее пределами либо во время следования к месту работы или возвращения с места работы на транспорте, предоставленном страхователем, и которое повлекло необходимость перевода застрахованного на другую работу, временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности либо его смерть (абзац десятый статьи 3). Профессиональное же заболевание определяется законом как хроническое или острое заболевание застрахованного, являющееся результатом воздействия на него вредного (вредных) производственного (производственных) фактора (факторов) и повлекшее временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности (абзац одиннадцатый статьи 3).

Содержанием приведенных законоположений охватываются, таким образом, различные последствия, которые могут наступить как в результате несчастного случая на производстве, так и профессионального заболевания. При этом нормативное определение профессионального заболевания не предусматривает такого последствия, как смерть застрахованного лица. Основываясь на этом, правоприменительная практика делает вывод о том, что Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» не рассматривает

смерть застрахованного, наступившую вследствие профессионального заболевания после прекращения исполнения им трудовых обязанностей, как самостоятельный страховой случай, влекущий возникновение обязательства по социальному обеспечению нетрудоспособных иждивенцев умершего застрахованного лица в порядке обязательного социального страхования.

3. Из пункта 2 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» следует, что нетрудоспособные иждивенцы застрахованного лица имеют право на получение страховых выплат в результате наступления страхового случая. Вместе с тем как смерть застрахованного лица, так и страховой случай, определяемый законодателем через его системно-нормативную взаимосвязь с понятиями «несчастный случай на производстве» и «профессиональное заболевание», являются отдельными событиями, находящимися друг с другом в причинно-следственной связи. Соответственно, смерть лица, застрахованного от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, которая является следствием выполнения им как застрахованным лицом своих трудовых обязанностей, должна в любом случае рассматриваться как основание возникновения у его нетрудоспособных иждивенцев права на получение страховых выплат. При этом данное право нетрудоспособных иждивенцев является производным от их статуса иждивенца, а не от права застрахованного лица на обеспечение по обязательному социальному страхованию, которое он реализовал при жизни.

В этом смысле несчастный случай на производстве и профессиональное заболевание представляют собой, по сути, идентичные события, следствием которых является повреждение здоровья, вызывающее смерть и порождающее обязанность страховщика предоставить обеспечение по обязательному социальному страхованию. Различия в данном случае касаются только степени профессионального риска: несчастный случай на производстве представляет собой прямое воздействие на организм человека в виде увечья или иного повреждения здоровья, а профессиональное заболевание –

опосредованное воздействие вредных производственных факторов на здоровье человека. Однако одно лишь это обстоятельство не может служить надлежащим основанием для дифференциации правовых последствий, наступающих в случае смерти застрахованного лица от несчастного случая на производстве либо от профессионального заболевания. Поэтому как смерть застрахованного лица от несчастного случая на производстве, так и смерть от профессионального заболевания, обусловленные воздействием вредных производственных факторов на организм человека, должны порождать одинаковые правовые последствия для нетрудоспособных иждивенцев застрахованного лица и служить надлежащим основанием для возникновения у них права на получение ежемесячных страховых выплат.

Данный вывод согласуется и с положениями статьи 184 Трудового кодекса Российской Федерации, которая предусматривает, что в случае смерти работника вследствие несчастного случая на производстве либо профессионального заболевания работнику (его семье) возмещаются утраченный заработок (доход) работника, а также связанные с повреждением его здоровья дополнительные расходы на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию либо соответствующие расходы в связи со смертью работника. Эта статья не делает различий в правовых последствиях смерти застрахованного в результате несчастного случая на производстве и смерти вследствие профессионального заболевания с точки зрения характера и объема возмещения вреда членам семьи умершего застрахованного.

В пользу признания за нетрудоспособными иждивенцами застрахованного лица, умершего вследствие профессионального заболевания, права на получение страховых выплат свидетельствует и положение пункта 4 статьи 15 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», в соответствии с которым в качестве одного из документов, необходимых для назначения обеспечения по страхованию, выступает заключение учреждения медико-социальной экспертизы о связи смерти пострадавшего с имевшимся у него профессиональным заболеванием.

Право иждивенцев на возмещение в связи со смертью кормильца от профессионального заболевания признается и нормами международного права. В соответствии с Конвенцией МОТ № 42 «О возмещении трудящимся в случае профессиональных заболеваний» (принята 21 июня 1934 года, Российской Федерацией не ратифицирована) лица, получившие профессиональные заболевания, а в случае их смерти от таких заболеваний – лица, находящиеся на их иждивении, имеют право на возмещение, основанное на общих принципах национального законодательства в области возмещения за несчастные случаи на производстве, при этом сумма такого возмещения не может быть ниже суммы, предусмотренной национальным законодательством за увечье, полученное в результате несчастного случая на производстве (статья 1).

Таким образом, непризнание нетрудоспособных лиц, состоявших на иждивении у застрахованного, субъектами права на получение ежемесячных страховых выплат и, соответственно, отказ в предоставлении им страхового обеспечения в случае, когда смерть застрахованного лица наступила в результате профессионального заболевания, в отличие от нетрудоспособных иждивенцев застрахованного лица, умершего вследствие несчастного случая на производстве, означало бы установление необоснованных различий в условиях возникновения и реализации права на получение ежемесячных страховых выплат для граждан, фактически относящихся к одной и той же категории – «нетрудоспособные иждивенцы умершего застрахованного лица», исключительно в зависимости от особенностей вредного воздействия на организм указанного лица (несчастный случай на производстве либо профессиональное заболевание), вызвавшего его смерть. Такого рода различия несовместимы с требованиями статей 19 (части 1 и 2) и 39 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Следовательно, оспариваемое заявительницей нормативное положение по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не может рассматриваться как препятствующее признанию за нетрудоспособными лицами, находившимися на иждивении

застрахованного лица, права на получение ежемесячных страховых выплат в случае смерти данного лица от профессионального заболевания, если обеспечение по обязательному социальному страхованию предоставлялось при жизни самому застрахованному.

Конституционно-правовой смысл нормативного положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Определении, согласуется и с правовыми позициями, ранее выраженными им в сохраняющих свою силу решениях по делам о защите прав нетрудоспособных иждивенцев на обеспечение по страхованию в связи со смертью застрахованных от профессионального заболевания.

Так, в Определении от 3 октября 2006 года № 407-О, вынесенном по жалобам вдов шахтеров, которые, как и супруг заявительницы, были признаны инвалидами в связи с профессиональным заболеванием, получали ежемесячные страховые выплаты и умерли вследствие указанного заболевания, Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил право нетрудоспособных иждивенцев застрахованного лица, умершего от профессионального заболевания, на получение ежемесячных страховых выплат. Данная правовая позиция приведена и в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2006 года № 486-О.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, пунктом 3 части первой статьи 43, частью четвертой статьи 71, частью первой статьи 79 и статьей 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Пункт 2 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» – в системе действующего правового

регулирования – не может рассматриваться как препятствующий признанию за нетрудоспособными лицами, находившимися на иждивении умершего застрахованного лица, права на получение ежемесячных страховых выплат в случае смерти данного лица от профессионального заболевания, если страховое обеспечение по нормам названного Федерального закона предоставлялось самому застрахованному при жизни.

Конституционно-правовой смысл пункта 2 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Определении на основании правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в сохраняющих свою силу решениях, является общеобязательным и исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

2. Признать жалобу гражданки Журбы Людмилы Николаевны не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявительницей вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

3. Правоприменительные решения по делу гражданки Журбы Людмилы Николаевны, основанные на пункте 2 статьи 7 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Определении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет других препятствий.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

5. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Собрании законодательства Российской Федерации» и «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

Судья-секретарь
Конституционного Суда
Российской Федерации

Ю.М.Данилов

№ 290-О-П